

ненависть
и прочие
семейные
радости

кевин уилсон

ненависть
и прочие
семейные
радости

Москва
2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
У36

Kevin Wilson
THE FAMILY FANG

Copyright © 2011 by Kevin Wilson
This edition is published by arrangement with The Book Group
and The Van Lear Agency

Перевод с английского *Н. Флейшман*
Художественное оформление *П. Петрова*

Уилсон, Кевин.

У36 Ненависть и прочие семейные радости : [роман] /
Кевин Уилсон ; [пер. с англ. Н. Б. Флейшман]. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 448 с. — (Миро-
вой бестселлер).

ISBN 978-5-699-97455-9

Есть ли предел родительскому эгоизму? Чадо А и чадо Б, как зовут родители Анни и Бастера, ответят, что никаких пределов нет. Кажется, их мать и отец способны пойти на что угодно, чтобы отделаться от детишек. Вероятно, даже инсценировать свою смерть... Усаживайтесь поудобнее, у А и Б припасено много историй об их сумасшедшей семейке, после которых вы будете считать своих родителей идеальными.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-97455-9

© Флейшман Н., перевод
на русский язык, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Посвящается Энн Ли

С какой все же абсурдностью порой
ведут себя они в любви к нам, детям,
и мы не менее нелепо являем им свою любовь.

Со странной и бесстыдною гордыней
кичатся они тем, что понуждают
их волю выполнять — да как!

А взять саму их жизнь! Уж мы куда умней
сумели б ею распорядиться!

*Уильям Мередит.
«Родители»*

Все это не было настоящим — всего
лишь декорации. Откровенно сценические
декорации.

*Дороти Хьюз.
«В укромном месте»*

Пролог

«Преступление и наказание». 1985 год

Художники: Калев и Камилла Фэнг

Мистер и миссис Фэнг называли это искусством — их отпрыски же считали сущим бедствием.

— Вечно вы надаете дел — и в сторону, как ни в чем не бывало, — заявила их дочь Анни.

— Все это намного сложнее, чем кажется, детка, — молвила миссис Фэнг, раздавая членам семьи строго распределенные роли предстоящего ивента¹.

— И в то же время в том, что мы делаем, все довольно просто, — добавил мистер Фэнг.

— Да, и в то же время просто, — отозвалась его жена. Анни и ее младший брат Бастер ничего не ответили.

Семейство направлялось в Хантсвилл, что находился довольно далеко, в двух часах езды от дома, поскольку было весьма нежелательно, чтобы Фэнгов кто-либо узнал. Анонимность являлась ключевым моментом их

¹ «Ивент», или «эвент» («случай, событие»), «хэппенинг» («событие, происшествие»), «перформанс» («представление, игра») являются близкими друг к другу формами акционистского искусства постмодернизма, зародившимися в 60-х гг. XX в. Различаются они главным образом степенью срежессированности, масштабности «события» и вовлеченности в него аудитории. Объединяет их то, что все они являются «искусством действия», своего рода «живыми картинами», стирающими грань между искусством и действительностью, провоцирующими реакцию зрителей и побуждающими их к действию. — *Здесь и далее примеч. пер.*

так называемых событий: это позволяло разворачивать действие без опасения, что некие добрые люди, предвидя грядущий кавардак, внезапно вмешаются и все испортят.

Мистер Фэнг, исполненный жажды скорейшего воплощения нового творческого замысла, всю гнал семейный минивэн по автостраде.

— Сынок, не хочешь повторить, что от тебя сегодня требуется? — посмотрел он в зеркало заднего вида на шестилетнего мальчугана. — Убедиться, что все ясно и понятно?

Бастер заглянул в выданный ему листок с мамиными схематичными карандашными набросками.

— Я буду есть горстями желейные бобы и очень громко хохотать.

— Верно, — с удовлетворенной улыбкой кивнул мистер Фэнг.

Тут миссис Фэнг предложила, чтобы Бастер еще и подбрасывал конфеты в воздух, и все сидящие в машине дружно сочли это неплохой идеей.

— Анни, — продолжил мистер Фэнг, — ты за что отвечаешь?

Девочка всю дорогу глядела в окно, считая сбитых вдоль шоссе животных, и успела уже добраться до пяти.

— Я — «тайный агент». Предупреждаю хозяина.

Мистер Фэнг снова улыбнулся:

— А затем?

Анни зевнула:

— Затем делаю ноги.

Когда семейство наконец прибыло к назначенному месту, все четверо уже были внутренне готовы к тому, что случится дальше — к той эксцентрической сцене, которую они разыграют в столь краткий промежуток

Женависть и прочие семейные радости

времени, что для большинства посетителей торгового центра она мелькнет лишь странным видением.

Фэнги вошли в запруженный народом торговый центр и тут же растворились в толпе, делая вид, будто друг друга не знают. Мистер Фэнг, усевшись за столиком на фуд-корте, незаметно настроил и сфокусировал крошечную камеру, спрятанную в выпуклых очках, от которых у него всякий раз, как их приходилось надевать, вокруг глаз почему-то вылезала сыпь. Миссис Фэнг с многозначительным видом расхаживала по моллу, неистово, с непомерной горячностью размахивая руками, дабы заранее создать у окружающих впечатление, что дама малость не в себе. Бастер коротал время, выуживая из фонтанов монетки, отчего его мокрые карманы топорщились, полные звонкой мелочи. Анни, слоняясь по моллу, купила себе в киоске, торговавшем разными дурацкими безделушками, модное тату и отправилась в туалет, чтобы притереть к плечу новую картинку — череп с розой между зубами. Закончив, девочка опустила закатанный рукав на место, спрятав под ним татушку, и оставшееся время просто сидела в одной из туалетных кабинок, пока часы не пропиликали «пора».

Момент настал, и каждый из них неспешно двинулся к магазину, торговавшему целыми россыпями всевозможной карамели. Все четверо были готовы к созданию нового произведения искусства, которое могло возникнуть лишь в том случае, если каждый из них безукоризненно исполнит все, что от него требуется.

Побродив минут пять по проходам между лотками, Анни подергала за рубашку тинейджера, стоявшего за кассой.

— Хочешь что-нибудь купить, деточка? — отозвался паренек. — Тебе что-нибудь достать? Я был бы очень рад тебе помочь.

Он был настолько добр к ней, что Анни даже устыдилась того, что ей сейчас предстояло сделать.

— Я вообще-то не ябеда... — начала она.

В недоумении паренек склонился к ней поближе:

— А что такое, мисс?

— Не хочу показаться ябедой, но вон та тетенька крадет у вас конфеты. — Она указала на свою мать, которая стояла у диспенсера с желейными бобами с массивным серебряным совком в руке.

— Вон та? — уточнил продавец.

Анни кивнула.

— Ты сделала сегодня доброе дело, деточка, — сказал паренек и, вручив ей леденец на палочке, который к тому же оказался и свистулькой, пошел звать менеджера.

Анни стянула обертку и, прислонясь к прилавку, быстро схрупала леденец, наполнив рот царапучими сахарными осколками. Покончив с конфетой, девочка прихватила с кассы еще один леденец и сунула в кармашек на потом. Когда из задней комнаты показались менеджер с хозяином, Анни спокойненько вышла из магазина, ни разу не обернувшись, и без того прекрасно зная, что сейчас произойдет.

Наполнив уже пятый пакет желейным драже, миссис Фэнг с опаской огляделась и быстро сунула незапечатанный пакет вслед за другими себе под куртку. Затем вернула совок в держатель, двинулась, насвистывая, по проходу, старательно изображая нарочитый интерес еще к нескольким видам карамели, и наконец устремилась к выходу. Стоило миссис Фэнг ступить

Женависть и прочие семейные радости

наружу, как ее ухватили за руку, и мужской голос произнес:

— Извините, леди, но, сдается мне, у нас есть маленькая проблемка.

И хотя в следующую минуту миссис Фэнг готовилась изобразить великую досаду и разочарование, в это мгновение она не сдержала едва заметной улыбки.

Мистер Фэнг с приличного расстояния наблюдал, как его супруга помотала головой и с недоверием проследила за рукой менеджера, указывавшего на смехотворные выпуклости на ее одежде: вся ее «контрабанда» красноречиво выпирала со всех сторон, и это приносило в происходящее особенно забавную абсурдность.

— Я диабетик, говорю я вам! — закричала его жена. — Мне вообще нельзя конфет!

При этих словах несколько посетителей магазина обернулись на шум.

Теперь мистер Фэнг подступил как можно ближе к разворачивающемуся действию, и тут же его супруга возмущенно заорала:

— Это противоречит Конституции! Мой отец играет в гольф с самим губернатором! Вот я сейчас...

В этот момент миссис Фэнг еле заметно повела плечами — и пакеты с драже разом стали просыпаться.

Бастер пронесся мимо отца и некоторое время просто глядел, как у матери из-под одежды градом сыплются желейные бобы, с глухим стуком ударяясь о пол. Потом с воплями «Бесплатные конфеты! Бесплатные конфеты!» мальчик бросился на колени к маминим ногам и стал огромными горстями запихивать в рот драже, которое все продолжало сыпаться с миссис Фэнг. Очень скоро рядом с Бастером пристроились еще двое детишек — точно его мать являла собой толь-

ко что разбитую пиньяту — и, барахтаясь, лихорадочно набирали свою долю бобов. Бастер же начал громко хохотать с сильной хрипотцой в голосе, от которой казался изрядно старше своих лет.

Мало-помалу вокруг них собралась толпа где-то из двух десятков человек — и вот тогда его мать принялась громко рыдать.

— Я не вынесу, если еще окажусь за решеткой! — заголосила она.

Тут Бастер оторвался от застлавших пол бобов и убежал. Только теперь он спохватился, что забыл пошвырять конфеты в воздух, и уже предвидел, что ему припомнят эту оплошность вечером, когда семья соберется обсудить свой новый успех.

Тридцать минут спустя Фэнги-младшие встретились у фонтанов и стали ждать, пока их матушка сумеет выпутаться из истории, избежав последствий своего нелепого поступка. Скорее всего, охранники торгового центра продержат ее до тех пор, пока отец не сумеет убедить их отпустить женщину, ограничившись предупреждением. Он будет трясти перед охранниками их с мамой резюме и газетными вырезками из «*The New York Times*» и журнала «*ArtForum*», вещать, что это есть «искусство публичного перформанса», этакая «срежиссированная стихийность», «проекция реальной жизни». Они, разумеется, заплатят за драже, и, скорее всего, отныне в этот молл им будет путь заказан. Вернувшись вечером домой, они будут ужинать и в красках представлять, как нынешние посетители заведения рассказывают своим домашним и друзьям об этом странном и примечательном событии, случившемся сегодня после полудня в магазине.

— А вдруг им все-таки придется сесть в тюрьму? — спросил Бастер сестру.

Женависть и прочие семейные радости

Вполне серьезно обмыслив подобный вариант, девочка пожалала плечами:

— Тогда мы автостопом доберемся до дома и будем ждать, когда они оттуда сбегут.

Бастер согласился, что это вполне даже разумный план, и, в свою очередь, предложил:

— Или мы могли бы пожить здесь, в молле, а мама с папой даже не знали бы, где нас искать.

Но Анни помотала головой.

— Мы очень им нужны, — возразила она. — Без нас у них ничего не получится.

Бастер выгреб из кармана всю добытую недавно мелочь и разложил на две равные стопки, после чего они по очереди с сестрой принялись швырять монетки обратно в фонтаны, всякий раз загадывая желания, которые как будто были достаточно незамысловаты, чтобы однажды воплотиться в явь.

Глава 1

Эдва Анни появилась на площадке, как человек из съемочной группы сообщил, что ей придется остаться топлес.

— Простите, что? — не поняла она.

— То самое, — сказала незнакомая ей женщина. — Эту сцену мы снимаем без верха.

— А вы кто такая?

— Я — Дженни, — представилась та.

— Нет, я не о том, — сказала Анни, решив, что, может быть, просто ошиблась площадкой. — Что вы делаете в фильме?

Дженни недовольно нахмурилась.

— Я скрипт-супервайзер, помощник режиссера по сценарию, и мы с вами не раз уже общались. Помните, недавно я вам рассказывала один случай, как мой дядюшка пытался меня поцеловать?

Ничего подобного Анни припомнить не смогла.

— То есть вы следите за соблюдением сценария? — переспросила она.

Дженни с улыбкой кивнула.

— В моем экземпляре сценария эта сцена не предполагает обнаженки.

— Ну, — не удивилась Дженни, — думаю, тут допустимо вносить изменения. Наверное, это чье-то авторитетное мнение.

Женависть и прочие семейные радости

— Но когда мы репетировали, никто об этом даже не обмолвился.

Дженни в ответ лишь пожала плечами:

— А Фримэн что, тоже сказал, что от меня требуется полураздеться?

— О да, — кивнула Дженни. — Первое, что он сделал нынче утром, так это подошел ко мне и сказал: «Передай Анни, что в следующей сцене она снимается топлес».

— И где в данный момент Фримэн?

Дженни огляделась по сторонам.

— Да вроде как собирался найти гонца, чтобы послать за каким-то совершенно невымыслимым сэндвичем.

Анни зашла в пустовавшую душевую кабинку и позвонила своему агенту.

— Они хотят, чтобы я снялась обнаженной.

— Категорически нет! — вскинулся ее агент Томми. — Ты кинозвезда почти что первой величины. Тебе нельзя сниматься в полной обнаженке крупным планом.

Анни поправила агента, что речь идет не о полном обнажении в кадре, а лишь о сцене топлес.

На другом конце линии повисла пауза.

— А-а, ну, это вовсе и не плохо, — сказал наконец Томми.

— Но этого не было в сценарии.

— В фильмах много вылезает такого, чего не было в сценарии, — ухмыльнулся агент. — Сразу вспоминается то кинишко, где у статиста на заднем плане из штанов высовывался член.

— Ага, — хмыкнула Анни, — и все кино насмарку.

— Ну, в том случае — да, — согласился Томми.